

В мгновение ока Хань Юйи из наивного дитя превратилась в очаровательную девушку. Благодаря попустительству Нин Цзючэнь, если не во всем дворце, то уж в Павильоне Мусян ее все почитали как госпожу — правда, госпожу, которую Нин Цзючэнь постоянно эксплуатировала.

Сама же Нин Цзючэнь изменилась еще сильнее. Казалось, совсем недавно она ворчала на свою «мелочь», а теперь перед глазами предстала ослепительная красавица, чьи жесты и походка были исполнены природного изящества, а каждое движение и улыбка завораживали. Вот только с окружающими она становилась все холоднее и отстраненнее, оставаясь ехидной и язвительной лишь по отношению к Хань Юйи.

Император винил во всем себя: мол, уделял мало внимания, вот она и выросла «неправильной». Верните мне ту мягкую, податливую и умильную крошку! Из-за этого принцессы и графини, достигшие возраста совершеннолетия, давно повыходили замуж, и лишь Нин Цзючэнь все еще томила в девичестве.

На самом деле поклонников у нее было пруд пруди, но Нин Цзючэнь даже не успевала высказаться — император отвергал всех на корню. То лицо ему казалось слишком уродливым, то жених — никчемным бездельником. А если попадался кто-то достойный, он опасался, что у того слишком влиятельная родня и в новой семье Нин Цзючэнь будут обижать.

И вот, удачный момент: обнародованы результаты государственных экзаменов, и в голове у императора вновь зародился коварный план. Молодые люди — сплошь красавцы, всего добились сами, бедные, но амбициозные. Хотя их характер еще предстояло проверить, остальное вполне устраивало. Подумав, он дал Нин Цзючэнь задание: прогуляться и присмотреться, не приглянется ли кто из них.

На улицах стоял шум и гам, гремели барабаны — новоиспеченные чиновники совершали торжественный объезд города. Если не считать Банъяня, который оказался дряхлым стариком, Чжуаньюань и Танхуа были писаными красавцами. Толпа зевак вовсю обсуждала процессию.

Разумеется, тот, кто ехал впереди на белоснежном скакуне, в красном халате с золотой вышивкой и синих сапогах, словно окруженный собственным сиянием, был не кто иной, как главный герой — Чжуаньюань Лю Чжишу. Казалось, он буквально светился, словно на лбу у него было выведено золотом: Я — главный герой.

Отсюда открывался отличный обзор, позволявший разглядеть всех прохожих. Однако, видя, как Нин Цзючэнь не сводит глаз с Чжуаньюаня, Хань Юйи почувствовала раздражение. Необъяснимое чувство: хотелось прямо сейчас выйти на тренировочную площадку и провести пару сотен раундов с деревянным столбом, чтобы выплеснуть эмоции.

Да и что в нем такого? Тонкие руки, хрупкие ноги — сразу видно, не боец. Я бы его за пару десятков приемов уложила, хотя, конечно, обычно это меня лупят. А этот... пара ударов, и готов. Глаза узкие, хитрые — сразу видно, человек расчетливый, себе на уме. Ишь, вырядился, как павлин. Наверняка бабник, пойдет гулять направо и налево, никакой серьезности.

Итог: этот тип даже меня не стоит, чего на него смотреть?

Хань Юйи и сама не понимала, что с ней происходит. С тех пор как император озаботился замужеством Нин Цзючэнь, ей постоянно было не по себе. Особенно когда она видела, как поклонники разглядывают Нин Цзючэнь — хотелось выколоть им глаза: чего уставились? Она не ваша!

Она взглянула на Нин Цзючэнь и, заметив, что та все еще изучает всадника, почувствовала, как внутри заскребли кошки.

— Нин Цзючэнь, — Хань Юйи грубо дернула ее за рукав, — чего ты на него уставилась? Неужели правда приглянулся? По мне, так ничего особенного!

Нин Цзючэнь задумалась, не слишком ли она ее распустила. Мало того что та ведет себя фамиллярно, так еще и манеры стали грубыми, почти как у мужика. Неужели это она, отправляя ее на тренировки к солдатам, испортила девушку? Нин Цзючэнь искренне покаялась в своих методах воспитания.

— Я не говорила, что он мне приглянулся, — Нин Цзючэнь постучала веером по ее голове. — Вечно ты лезешь не в свое дело.

— А вот и лезу! — проворчала Хань Юйи. — Если не нравится, чего так долго смотрела?

— Язык чешется? Хочешь еще пару раундов на арене? — Нин Цзючэнь слегка улыбнулась. — К тому же, его внешность даже до моей не дотягивает, что уж говорить о тебе. Не на что там смотреть.

Нин Цзючэнь редко улыбалась. От этой внезапной, едва заметной улыбки в сердце Хань Юйи словно образовалась брешь — иначе почему оно забилося так быстро? Она украдкой подумала: нельзя позволять ей так улыбаться, это же опасно, вокруг столько алчных взглядов!

— Засмотрелась на меня?

— Совсем нет! Госпожа, посмотрите, вон те служанки и барышни глаз с вас не соят. Везде у вас поклонницы, — Хань Юйи поспешно сменила тему, вспомнив, что они обе в мужской одежде.

Нин Цзючэнь чувствовала, что эта девчонка ее доконает. Я же переодета в мужчину, даже если красота и привлекает внимание, называть это поклонницами — перебор! Почему я в свое время не проявила твердость и не заставила ее выучить дворцовый этикет до конца?

Что касается Лю Чжишу... Нин Цзючэнь подозревала, что переоценила его. В оригинальном сюжете, выманив деньги у семьи Хань, он рано прибыл в столицу и прославился своим

талантом еще до экзамена. Хотя на самом экзамене он выступил посредственно, император, наслышанный о его славе, все равно сделал его Чжуанъюанем.

В реальности же все вышло куда смешнее. Нин Цзючэнь ждала-ждала, а известий о его прибытии все не было. Разведка донесла: без Хань Юйи, которую можно было легко обвести вокруг пальца, он растратил все деньги на женщин, так и не накопив на дорогу. Если бы Нин Цзючэнь не приказала тайно передать ему немного средств, он бы, скорее всего, подох с голоду по пути. Иначе было бы совсем скучно.

Она даже сомневалась, как он вообще сдал экзамен. Поразмыслив, пришла к выводу: император просто счел его видным мужчиной, за которым можно как за каменной стеной, в противовес Банъяню — старику, хоть и талантливому. Видимо, на него и пал выбор.

Ну и ладно. Пусть будет так. Сделаю его временным зятем, пусть почувствует вкус власти. А когда вскроются все его подлости, можно будет крутить им как угодно. Чем выше вознесешь, тем больнее будет падать — разве не в этом вся соль? Как там говорила Цзи Юньхэ, помешанная на корейских дорамах? Ах да, «убийство похвалой».

Вспомнив о подруге, Нин Цзючэнь невольно дернула за хвост маленькую кошечку-Систему.

— Когда я уже выполню задание и вернусь? Как думаешь, сколько миров еще осталось?

Система подпрыгнула и взвизгнула:

— Хвост тигра дергать нельзя! Ты разве не знала?

— Еще слово, и получишь, — Нин Цзючэнь сжала кулак. — Ты кошка, и с каждым разом все глупее.

— Да-да, хозяйка, ты всегда права, — Система сузила свои блестящие глазки и, убедившись, что кулак опущен, продолжила: — Еще мира три-четыре, не бей, не бей, я исчезаю!

Нин Цзючэнь не успела и глазом моргнуть, как кошечка растворилась в пространстве. А что, бежать надо, пока цела!

Вернувшись, Хань Юйи, понуриив голову, не стала бежать за Нин Цзючэнь в главный дворец, а отправилась во внутренний двор к И Цин и И Фэн. Кстати, то, что она жила в боковом флигеле, было особой милостью Нин Цзючэнь — это было лучшее место после главных покоев.

Искала она их не потому, что И Мин и И Юэ были слишком маленькими, а потому, что те уже покинули дворец. Хотя получить разрешение на выход было трудно, обе достигли возраста замужества, и Нин Цзючэнь, не говоря ни слова, обо всем позаботилась: нашла достойные семьи и приданое.

Условия в Павильоне Мусян были отличными, желающих попасть сюда было хоть отбавляй, но Нин Цзючэнь не могла помочь всем. Хань Юйи удивлялась: И Цин и И Фэн тоже давно выросли, но не уходили. И Цин понять можно — сирота, но почему И Фэн осталась?

Сама Хань Юйи не то чтобы не хотела быть с Нин Цзючэнь, просто в последнее время ее бросало в жар от любого слова Нин Цзючэнь — неважно, язвила та или нет. Она злилась, сама не зная на кого. Просто видеть, как вокруг Нин Цзючэнь вьются люди, было неприятно, а как она рассматривает других — тем более.

Хань Юйи постучала в дверь И Фэн, но ответа не было. Странно. Спустя время дверь открылась, и вышла И Цин.

— Ты чего пришла? — И Цин смотрела куда угодно, только не на нее.

— Искала И Фэн, чтобы поиграть. Раз ты здесь, тем лучше, пойдемте вместе.

— Не во что играть. Иди лучше донимай свою госпожу.

И Цин подняла голову, и Хань Юйи заметила ее чересчур красные губы, на которых виднелись следы зубов, а глаза подозрительно блестели.

— Что это у тебя с губами? Неужели стащила что-то у И Фэн и попалась? — Хань Юйи по-товарищески хлопнула ее по плечу. — Эх, учись у меня. Я вот у Нин Цзючэнь ворую — и ни разу не поймали. А если и поймают, делай вид, что ни при чем, строй невинные глазки. Я всегда так делаю, и она на меня не злится.

В другое время И Цин обязательно бы съязвила, что Нин Цзючэнь просто ее балует. Но сейчас она лишь кивнула.

— Да, случайно попалась. Только начала просить прощения, как ты пришла. Не вовремя ты.

Хань Юйи смущенно рассмеялась:

— Ладно, ладно, ухожу, — она обернулась и показала И Цин большой палец: — Удачи!

Воровство... наверное, это тоже можно назвать воровством. Вспомнив ту мягкость и сладкий привкус, И Цин невольно облизнула губы. Ей не терпелось вернуться.

<http://bllate.org/book/21621/2230359>